

УДК 343.614

Павлов Александр Андреевич

бакалавр юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, Санкт-Петербург

Alexander A. Pavlov

Competitor of the Department of Philosophy
MGIMO University
Russia, Saint-Petersburg

**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА: ФОРМА
ВИНЫ**

DRIVING TO SUICIDE: DEBATABLE ISSUES

Аннотация

В статье рассматривается наиболее дискуссионный вопрос правовой квалификации действий обвиняемых лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 110 УК РФ, а именно определение возможной формы вины. Автором проанализированы основные точки зрения выдающихся ученых-криминалистов, имеющиеся в настоящее время в теории уголовного права, предложено свое научное осмысление актуальной проблемы применения данной нормы права. Целью работы является привлечение внимания научного сообщества к исследуемому вопросу. При написании статьи используется актуальная судебная практика, найденная путем случайной выборки в справочно-правовой системе «Судакт».

Ключевые слова:

вина, прямой умысел, буллинг, уголовное право

Abstract

The article deals with the most controversial issue of the legal qualification of the actions of the accused persons held liable under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely the definition of a possible form of guilt. The author analyzes the main points of view of prominent forensic scientists currently available in the theory of criminal law, offers his own scientific understanding of the actual problem of applying this rule of law. The purpose of the work is to attract the attention of the scientific community to the issue under study. When writing the article, the current judicial practice is used, found by random sampling in the legal reference system "Sudakt".

Keywords:

guilt, direct intent, bullying, criminal law

Как известно, в диспозиции ст. 110 УК РФ нет прямого указания на форму вины рассматриваемого преступления, что порождает многочисленные споры в теории уголовного права относительно правильного уяснения вопроса возможной вины в доведении до самоубийства. Единство во взглядах по данной проблеме отсутствует и в правоприменительной практике, что влечет естественным образом к нарушению принципа равенства граждан перед законом (ч.1 ст.19 Конституции РФ), вызывая потребность разрешения данной проблемы. Рассмотрим позиции известных деятелей науки по данному вопросу.

Согласно распространенной в советское время точки зрения профессора Шаргородского, данное преступление может быть совершено с любым видом неосторожности и с косвенным умыслом. По мнению ученого, «прямой умысел не может иметь здесь места, так как если виновный стремился к наступлению смерти, то доведение до самоубийства должно быть квалифицировано как убийство» [1, с. 42].

Такой же позиции придерживается и А.В. Наумов, отмечающий, что «при прямом умысле действия «доводящего» до самоубийства превращаются в умышленное лишение жизни потерпевшего, т.е. в убийство (ст. 105 УК РФ)» [2, с. 104]. Как видно, данные авторы склонны считать, что фактический уход из жизни потерпевшим «своими руками», не может выступать юридическим фактом, препятствующим квалифицировать действия виновного как убийство. Более того, такое убийство, по представлению вышеуказанных авторов, обладает повышенной степенью общественной опасности и при жестоком обращении может образовать квалифицирующий состав, предусмотренный п. «д» ч.2 ст. 105 УК РФ (убийство с особой жестокостью), а потому является особо циничным и коварным.

Другие ученые, допускают вменение ст. 110 УК РФ только при неосторожной форме вины, поскольку, по их взгляду, наличие любого вида умысла исключает возможность юридической оценки действий виновного лица, как доведения до самоубийства. Такой точки зрения придерживается Ю.А. Уколова, утверждающая, что форма вины при совершении рассматриваемого преступления возможна только в виде небрежности, поскольку при наличии любого вида умысла, действия виновного лица направлены на создание условий для наступления смерти, а значит совершенное следует рассматривать как убийство [5, с. 219].

Третий подход допускает существование любой формы вины в доведении до самоубийства. По мнению А.Н. Красикова, «в диспозиции ст. 110 УК РФ не указывается на признаки формы вины доведения до самоубийства, а поэтому при совершении данного преступления вина может быть, как умышленной, так и неосторожной. Умышленная вина может выразиться в прямом умысле или косвенном» [3, с. 232].

В судебной практике, наиболее распространенной позицией является та, которая предполагает возможность квалификации деяния виновного лица по ст. 110 УК РФ только при наличии прямого или косвенного умысла, поскольку именно такая юридическая оценка основана на правильном толковании основных признаков состава с учетом положений ч.2 ст. 24 УК РФ.

В связи с наличием в теории уголовного права самых разных мнений, относительно установления формы вины в доведении до самоубийства, хотелось бы изложить свое видение данной проблемы.

На первый взгляд, заведомо необоснованной представляется позиция, согласно которой при наличии умысла, действия «доводящего» следует оценивать, как

убийство, поскольку данные составы существенно различаются по признакам объективной стороны. Особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ является тот факт, что при умышленном лишении жизни другого человека, действия виновного оказывают непосредственное воздействие на потерпевшего, при этом у жертвы не остается свободы выбора – смерть причиняется ей помимо воли. При доведении до самоубийства виновный и при наличии прямого умысла лишь противоправно воздействует на сознание, психику потерпевшего, однако у последнего имеется возможность самостоятельного принятия решения относительно своей судьбы, а значит игнорировать волю потерпевшего категорически не верно. Иными словами, при доведении до самоубийства, преступный результат опосредуется через волеизъявление потерпевшего, а при убийстве, смерть наступает от непосредственных противоправных действий виновного лица. Исходя из чего, отождествление двух, существенно отличающихся друг от друга по признакам объективной стороны деяний представляется ошибочным решением. По такому пути идет и судебная практика. Постановляя приговор по обвинению Филимонова В.А. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 110 УК РФ, Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл установил, что Филимонов В.А. действовал с прямым умыслом [10]:

«С целью доведения К.И.Е. до самоубийства, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления последствий в виде совершения К.Е.И самоубийства, так как она неоднократно высказывала Филимонову В.А. свое намерение лишить себя жизни, и желая их наступления, угрожал, жестоко обращался и систематически унижал человеческое достоинство К.Е.И.».

Исходя из данных соображений, для квалификации действий виновного лица по ст. 110 УК РФ не существует никаких юридических препятствий при наличии умысла. В то же время, данная позиция не противоречит квалификации действий виновных лиц по ст. 105 УК РФ, в случае если потерпевшим выступало неменяемое лицо, ввиду отсутствия необходимой свободы воли у потерпевшего, не осознающего характера совершаемых с ним действий.

Другим спорным вопросом является следующий: возможно ли довести до самоубийства по неосторожности? Большинство теоретиков уголовного права отвечают на данный вопрос отрицательно. Судебная практика преимущественно

поддерживает позицию о невозможности вменения неосторожной вины в составе преступления, предусмотренном ст. 110 УК РФ.

Так, в одном из решений Московский городской суд указал:

«по делу не установлено, что, угрожая потерпевшему, К. желал наступления смерти потерпевшего либо предвидел и сознательно допускал наступление таких последствий. При таких обстоятельствах в действиях К. отсутствует состав преступления.»

Проанализировав научную литературу, можно выделить несколько юридических аргументов, обосновывающих исключительно возможность умышленного доведения до самоубийства

1) Ряд авторов обосновывают невозможность доведения до самоубийства по неосторожности, ссылаясь на положения ч.2 ст. 24 УК РФ. По их мнению, не указание в диспозиции статьи неосторожной формы вины, означает что состав предусматривает только умысел.

Анализируя рассматриваемую позицию, стоит отметить, что несмотря на существование двух позиций по вопросу правильного толкования ч.2 ст. 24 УК РФ, господствующим в доктрине уголовного права, является противоположный вывод. Отсутствие указания в законе на неосторожную вину означает, что данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, если из толкования диспозиции нормы не вытекает вывод, что состав предусматривает исключительно умышленную форму вины (например, ст. 138, 137 УК РФ и многие другие). Так, в ст. 121 УК РФ, устанавливающей ответственность за заражение венерическим заболеванием, не указана неосторожная форма вины, однако судебная практика, вменяет данный состав и при неосторожном отношении лица к возможным последствиям в виде легкомыслия (используются средства контрацепции, которые должны не допустить заражения) при условии, что половой партнер не осведомлен о болезни лица, знающего о венерическом заболевании. Аналогичный вывод стоит сделать и о возможности небрежности в составе преступления, предусмотренном ст. 283 УК РФ, хотя неосторожность прямо не указана в диспозиции правовой нормы. В ряде разъяснений высшей судебной инстанции прослеживается поддержка именно такого толкования ч.2 ст. 24 УК РФ.

2) Высказывается суждение, что поскольку диспозиция статьи предусматривает способы совершения преступления, преступление может быть только умышленным,

поскольку в неосторожных составах законодатель не перечисляет возможные приемы и методы выполнения объективной стороны состава преступления. Способ, если толковать закон систематически, свойственен только умыслу.

Данный аргумент представляется весьма слабым. Закрепление в уголовном законе обязательных элементов объективной стороны (способов, обстановки) не может предопределять психическое отношение виновного к наступившим последствиям, а, следовательно, способ совершения преступления имеет право присутствовать и в неосторожной вине. Кроме того, в Уголовном Кодексе при внимательном прочтении существует состав преступления, содержащий одновременно способ совершения преступления и неосторожную форму вины – ст. 168 УК РФ (путем неосторожного обращения с огнем). Что препятствует ст. 110 УК РФ быть вторым исключением?

3) Существует распространенная позиция, согласно которой невозможность доведения до самоубийства по неосторожности вытекает из толкования основных положений правовой нормы. Указывается, что само словосочетание «доведения до самоубийства» означает, что действия виновного направлены на достижения преступного результата в виде смерти потерпевшего» [7].

С таким обоснованием нельзя согласиться. Согласно толковому словарю «Далая», доводить означает «губить, изводить». Данные действия, действительно, могут быть совершены только умышленно, однако, как верно отмечает вытекает из работы Ю.А. Уколовой, умысел на совершение первичных действий (угроз, жестокого обращения), не исключает установление неосторожной формы вины к самоубийству, а, следовательно, толкование термина «доведение» не помогает разрешить квалификационную проблему [5, с. 219].

4) Довольно распространенным является утверждение о том, что с криминологической точки зрения, признание возможности доведения до самоубийства с неосторожной формой вины приведет к абсурдным ситуациям, когда при любом оскорблении, «плевку в лицо», единичном акте «буллинга» в школе, будет возможно привлечение к уголовной ответственности за доведение до самоубийства - неосторожность в данном составе приведет к негативным последствиям в правоприменении, чрезмерно расширив границы состава.

По мнению автора, несмотря на актуальность изложенной позиции, её также нельзя признать обоснованной. Вопросы квалификации преступлений недопустимо

разрешать, отталкиваясь от гипотетической вероятности появления квалификационных проблем. Считаю, что при единичном оскорблении или плевке ответственность по ст. 110 УК РФ исключается благодаря правильному толкованию данной нормы и уяснением пределов ответственности виновных лиц в исследуемом составе. Вышеизложенный аргумент, предостерегающий судебную практику от возможных «эксцессов правоприменения», лишь обосновывает ущербность любой «завышенной» квалификации при отсутствии на то юридических оснований, что следует поддержать, однако изложенный аргумент не позволяет установить субъективные признаки рассматриваемого деяния.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что исчерпывающих аргументов, подтверждающих невозможность вменения неосторожности в исследуемом составе, на настоящий момент в теории уголовного права не существует. Гораздо убедительнее, на мой взгляд, будут являться следующие аргументы, доказывающие, что субъективная сторона данного состава может содержать любую форму вины.

Во-первых, как представляется, используемый законодателем оценочный признак «тяжкие последствия», закрепленный в качестве квалифицирующих признаков в некоторых составах преступлений (например, в ст. 131-132 УК РФ), где самоубийство потерпевшего или попытка самоубийства выступают возможными последствиями действий виновного лица, является ничем иным как «учтенной законодателем совокупностью преступлений» (ч.1 ст. 17 УК РФ) – статей 131 УК РФ и 110 УК РФ, что исключает квалификацию действий преступника по двум статьям одновременно. В связи с этим возникает вопрос: всегда ли виновный, совершая изнасилование либо насильственные действия сексуального характера, предвидит возможность самоубийства жертвы? Конечно, нет. Психическое отношение виновного лица к последствиям в виде самоубийства чаще всего проявляется в форме неосторожности и насильника не заботят настолько отдаленные последствия первичного преступления. Косвенный же умысел на доведение может присутствовать, полагаю, в случае систематического надругательства над потерпевшей, особо жестокого и циничного изнасилования, однако при простом единичном насильственном половом сношении виновные часто не предвидят возможные последствия в виде самоубийства жертвы. Может показаться, что вменение «тяжких последствий» является проявлением объективного вменения в отечественном

уголовном праве, однако это не так. Как верно, отмечено А.Н. Поповым, учитывая характер совершаемых действий, правильно сказать, что виновный всегда «может и должен» предвидеть столь трагичные последствия надругательства над жертвой изнасилования [8, с. 29], исходя из чего, можно сделать вывод, что систематическое толкование уголовного закона, не исключает неосторожности к самоубийству потерпевшего. Обосновано ли будет усиление ответственности за неосторожные последствия в отдельных составах преступлений (в ст. 131 УК РФ максимальный размер санкции за наступление самоубийства по сравнению с первой частью увеличен с 6 до 15 лет), и юридическое игнорирование самоубийства потерпевшего, при совершении иных тяжких преступных посягательств, при которых преступник чаще всего относится к самоубийству потерпевшего, как результату его «злодеяний» по небрежности? (вымогательств, клеветы). Подобное решение нарушает фундаментальное право равенства граждан перед законом, ведет к «слепому» применению правовых норм и не способствует справедливой дифференциации уголовной ответственности.

Во-вторых, на практике вполне возможны случаи, когда лицо, жестоко обращаясь с потерпевшим и систематически унижая его, все же не полагало, что такие действия повлекут столь серьезные последствия, однако исходя из обстановки совершения преступления, реакции потерпевшего на выходки посягающего лица, могло и должно было предвидеть. В связи с этим, представляется абсолютно верной позиция известного деятеля науки А.И. Рарога, утверждающего, что «поскольку сама статья не содержит ограничения вида вины, то «если конкретная жизненная ситуация создает возможность доведения до самоубийства с любым видом умысла или с любым видом неосторожности, то нет никаких юридических препятствий для квалификации такого деяния по указанной статье» [9].

В-третьих, как было выяснено, при правильном уяснении смысла нормы уголовного закона, содержащегося в ч.2 ст.24 УК РФ можно сделать вывод, что поскольку состав преступления не содержит указания на форму вины, доведение до самоубийства может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, а буквальное, систематическое и иное толкование исследуемой нормы права не позволяет «блокировать» возможность неосторожности в рассматриваемом составе преступления.

Исходя из данных рассуждений, для констатации наличия состава доведения до самоубийства, необходимо установить, что виновным были совершены такие действия, которые по характеру и степени общественной опасности способны оказать необходимый психологический эффект, побудивший потерпевшего наложить на себя руки. В связи с чем, представляется совершенно обоснованной изложенная ниже позиция суда, допустившего применение неосторожной формы вины в конкретной жизненной ситуации:

На почве личных неприязненных отношений к Шерстянникову А.Г. из-за противоправного и аморального поведения последнего по отношению к Толстых П.А., действуя с Белослудцевым М.Ю. группой лиц, с целью совершения еще более жестокого обращения с Шерстянниковым А.Г. путем издевательства над ним группой лиц, умышленно, осознавая противоправность и общественную опасность своих действий, а также осознавая в этом проявление жестокого обращения с Шерстянниковым А.Г., выражающегося в издевательстве над последним группой лиц, испустил мочу на лежащего на полу потерпевшего, осознавая при этом, что своими действиями совершает издевательство над ним, но не предвидя наступление последствий в виде самоубийства Шерстянникова А.Г., хотя в связи с жестоким характером своего обращения с ним, мог и должен был предвидеть возможность самоубийства потерпевшего [11].

Какие пределы вменения должны существовать для разграничения невиновных действий причастных к самоубийству потерпевшего лиц, от неосторожной вины? Данный вопрос является достаточно сложным и должен решаться с учетом особенностей каждого конкретного дела. Тем не менее, по моему мнению, при принятии решения следует руководствоваться следующими предложенными критериями.

Во-первых, объектом посягательства должны быть общественные отношения, охраняющие личные неимущественные права и свободы граждан. Исходя из телеологического толкования изложенных в ст. 110 способов совершения преступления (угрозы, жестокое отношение, систематическое унижение человеческого достоинства), которые в большей степени используются при посягательствах именно на эти охраняемые законом блага (честь, достоинство, свобода, здоровье), представляется обоснованным не расширять границы вменения рассматриваемой статьи до самых широких пределов, а ограничиться ее применением

при совершении виновными лицами правонарушений, особо ущемляющих права и свободы человека, поскольку именно они чаще всего являются катализаторами самоубийств, способны «довести» при единичном действии. Исходя из этого, представляется логичным при обычной краже, хоть и совершенной в крупном размере и ставшей причиной самоубийства потерпевшего, не привлекать к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ лицо, совершившее хищение. В то же время, по моему мнению, в случае если преступник, заведомо зная о крайне тяжелом имущественном положении потерпевшего, совершает в отношении него мошеннические действия (либо вымогательство), основания для вменения ст. 110 УК РФ при гибели оказавшегося в безысходной ситуации человека, появляются, поскольку преступник знал о том, что хищение окажет негативное влияние на его жизненное благополучие и психологическое состояние, может сказаться на его здоровье, как неимущественном благе.

Во-вторых, как правило, доведение до самоубийства складывается из систематических действий (побоев, оскорблений, издевательств), которые должны происходить в рамках единой линии поведения виновного лица, следовательно для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ будет явно недостаточно совершения единичного оскорбительного акта противоправного поведения (плевка, шлепка, оскорбления), поскольку при таких действиях любой человек не способен предвидеть столь отдаленных последствий своих действий. Однако, в случае если даже единственное противоправное действие по своей форме является достаточно жестоким и циничным, ответственность не исключается (например, при «иных насильственных действиях» в истязании, вымогательстве с применением насилия или с угрозой распространения для потерпевшего информацией, которой он особо дорожит, что было заведомо известно преступнику).

Например, в приведенном ниже деле, многократность унижающих потерпевшего действий, как минимум позволяла виновному при должной предусмотрительности осознать возможный исход.

М. был осужден за доведение до самоубийства жены. Суд установил, что М. сожительствовал с соседкой, которой делал подарки и даже отдавал заработанные женой деньги. О своих действиях М. рассказывал потерпевшей и другим лицам. В результате жена М. отравилась.

В-третьих, необходимо учитывать личность потерпевшего и осведомленность виновных лиц об особенностях его характера. По мнению автора, при постановлении приговора, необходимо прежде всего принимать во внимание *взаимоотношения* (*курсив мой – А.П.*) указанных лиц, ведь то, что никак не могли предвидеть одни лица с учетом складывающихся отношений (покончившее с собой лицо не таило обиды на акты «буллинга», складывалось впечатление, что ему все равно), могли легко понимать иные лица при большей внимательности (например, реакция потерпевшего давала основания полагать, что издевательские действия его глубоко задевают, на момент самоубийства он находился в отчаянии либо если виновные знают о том, что потерпевший страдает хронической депрессией или иными болезнями психики).

В-четвертых, при принятии решения, необходимо учитывать, общие представления о морали и нравственности. Оценивать поступки не формально, а с учетом общественного представления о «добре и справедливости».

Используя изложенные выше критерии, по моему мнению, правоприменитель сможет правильно установить пределы дозволенного вменения, провести разграничительную черту между уголовно-наказуемым действием и поступком не содержащим составом преступления ввиду отсутствия вины.

Ввиду чрезмерной дискуссионности данных положений, представляется, что требуется дальнейшее научное осмысление основных объективных и субъективных признаков данного состава, что позволит стабилизировать правоприменение, обозначив границы дозволенного и уголовно-наказуемого.

Список использованных источников

1. Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности / М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленинград гос. ун-та, 1953. – 108 с.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3т. / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т.2: Особенная часть. – 736 с.
3. Красиков А.Н. Преступления против личности: учеб. пособие для студентов учеб. заведений юрид. профиля / А.Н.Красиков. – Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 1999. – 232 с.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.

5. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис... канд. юр. наук: 12.00.08 / Ю.А. Уколова. – М, 2008. – 219 с.
6. Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – №12. – 94 с.
7. Альбертович К.Е. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, с такой формой вины как неосторожность / К.Е. Альбертович. – Электронный Ресурс. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestuplenie-predusmotrennoe-st-110-uk-rf-s-takoy-formoy-viny-kak-neostorozhnost/viewer>.
8. Попов А.Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 года № 16 / А.Н. Попов. - СПб.: Изд-во ун-та Генеральной прокуратуры, 2016. – 40 с.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / под ред. А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби: изд-во «Прспект», 2007. – 767 с.
10. Приговор от 31.07.2017г по делу № 1-205/2017 / Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл / Доступ из справ.-правовой системы «Судакт».
11. Приговор от 03.04.2012г. по делу № 1-15/2012 / Усть-Удинский районный суд / Доступ в справ.-правовой системе «Судакт».
12. Приговор от 08.06.2015г. по делу № 1-107/2015 / Агинский районный суда / Доступ в справ.-правовой системе «Судакт».
13. Приговор от 19.12.2013 г. по делу № 1-146\2013 1-146/2013 / Чернышевский районный суд / Доступ в справ.-правовой системе «Судакт».
14. Приговор 17.11.2014 г. по делу № 1-114/2014 / Тамбовский районный суд / Доступ из справ.-правовой системы «Судакт».